

Григорян Татевик Вартановна

АГРЕССОР И ЖЕРТВА: АНТИГУМАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ

В статье показывается, что агрессор и жертва - это две антигуманные социальные роли, деструктивно влияющие на здоровые социальные отношения. Отмечается, что ряд современных учёных выделяют факторы, процессы, методы, которые используют в своей жизни агрессор и жертва, а также черты характера, стиль поведения, присущие им. Основное внимание автор акцентирует на общих (например, тревожность) и отличительных чертах характера, присущих агрессору и жертве. Делается вывод о необходимости гуманизации человека и социальных институтов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 42-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 179.9

Философские науки

В статье показывается, что агрессор и жертва – это две антигуманные социальные роли, деструктивно влияющие на здоровые социальные отношения. Отмечается, что ряд современных учёных выделяют факторы, процессы, методы, которые используют в своей жизни агрессор и жертва, а также черты характера, стиль поведения, присущие им. Основное внимание автор акцентирует на общих (например, тревожность) и отличительных чертах характера, присущих агрессору и жертве. Делается вывод о необходимости гуманизации человека и социальных институтов.

Ключевые слова и фразы: агрессор; жертва; человек; отношения; гуманизм.

Григорян Татевик Варгановна

*Забайкальский государственный университет
tatevick.1@yandex.ru*

АГРЕССОР И ЖЕРТВА: АНТИГУМАННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ[©]

Несколько столетий назад государством были узаконены отношения, предполагающие наличие рабов и рабовладельцев, крестьян и феодалов. В процессе морального и духовного развития человечества, роста научно-технических достижений люди постепенно осознали, что человек – это наивысшая ценность, достойная благополучия, счастья, уважительного к себе отношения. Это свидетельствует о том, что в умах людей восторжествовала идея гуманизма. Организовать же на практике жизнь общества на принципах гуманизма оказалось намного труднее, чем говорить о нем, и до настоящего времени ни одному обществу, государству этого не удалось.

Несмотря на то, что торговля людьми и рабское отношение к человеку в цивилизованных государствах запрещены, отношение к человеку как к собственности гласно или негласно имеет место быть в современных обществах. Можно предположить, что это, по большей части, связано с физиологическими и психологическими особенностями человеческого организма, ревностью, агрессивностью, страхом перед одиночеством. Наиболее подробно рассмотрим феномен агрессии.

Важно сказать, что агрессивный человек – это вполне психически и физиологически здоровый человек, который умеет контролировать своё поведение и отлично знает, где, с кем и как себя вести, что говорить и о чём умолчать. То есть немаловажное влияние на поведение агрессора оказывают присутствие и социальный статус окружающих его лиц.

Прежде чем перечислить качества характера, присущие агрессору, обратимся к естественным и социальным факторам формирования агрессии, которые выделяет Н. Д. Субботина. К естественным факторам, способствующим развитию агрессии, учёный относит фрустрацию, стремление к доминированию, инстинкт подражания, чувство собственности, потребность в мести, эмоции (например, гнев), некомфортные условия (например, слишком сухой и влажный климат), естественные закономерности массового поведения, потребность в удовольствии, получаемом от агрессивного поведения, и др. К социальным факторам, способствующим развитию агрессии, учёный причисляет социальные конфликты, подражание, потребность в завоевании или сохранении социального статуса, демонстрацию насилия в средствах массовой информации, доступность оружия, бедность, провокационные действия (например, насмешки) и др. [6].

В отличие от Н. Д. Субботиной, которая выделяет естественные и социальные факторы развития агрессии, зарубежные учёные Р. Бэрон и Д. Ричардсон говорят о биологических и социальных процессах: «В основе проявления агрессии, безусловно, лежат биологические процессы, они находятся в зависимости от социальных и средовых процессов и тесно взаимодействуют с ними» [2, с. 227].

Агрессия, по убеждению Р. Бэрона и Д. Ричардсона, это не эмоция, мотив или установка, а модель поведения, направленная на «причинение вреда или ущерба другому животному существу, имеющему все основания избегать подобного с собой обращения» [Там же, с. 53]. Учёные полагают, что неотъемлемым атрибутом агрессивного человека служит «чувство стыда», а злость вовсе не является обязательным «спутником» агрессии, так как агрессивное поведение может «разворачиваться как в состоянии полнейшего хладнокровия, так и чрезвычайно эмоционального возбуждения» [Там же, с. 27].

Один из ведущих исследователей в области психологии Л. Берковиц дал следующее описание агрессора: «Люди, склонные к проявлению гнева или агрессии, обычно легко вступают в спор, любят делать скоропалительные выводы и зачастую бывают чересчур резкими в суждениях» [1, с. 430].

А. Налчаджян выделяет черты характера, присущие агрессору (тревожность, ненависть, зависть, мстительность, эгоизм, стыд, злопамятство), и манеры поведения, характерные для агрессора (фанатизм, суеверность, предательство, ворчливость), отмечая, что «...агрессор боится возмездия жертвы и решает делать её окончательно недееспособной или полностью уничтожить её. Страх перед возмездием усиливает агрессивность» [5, с. 222]. В качестве действенной меры, направленной на предотвращение агрессии человека, А. Налчаджян выдвигает такое социально-психологическое явление как ответственность. Чем больше человек взаимодействует с людьми, тем больше он налагает на себя определённые обязательства во взаимоотношениях с трудовым коллективом,

членами семьи и так далее. Трудно не согласиться с ученым в том, что сочетание насилия с юмором и восприятие насилия как атрибута повседневной жизни способствуют его распространению. В качестве действенных естественных факторов, препятствующих формированию агрессии, учёный выделяет эмпатию и совесть, а в качестве социального фактора – спорт. Крайней формой выражения агрессии А. Налчаджян называет жестокость.

Показав основные черты характера одной стороны антигуманных социальных отношений, а именно, агрессора, приступим к изучению основных поведенческих характеристик другой стороны подобных отношений, то есть жертвы.

Наиболее подробный перечень поведенческих характеристик жертвы определила И. Г. Малкина-Пых. Современный учёный выделяет следующие из них: постоянный поиск собеседников, взаимоподдержки, советчиков; любят ощущать себя беспомощными; отзываются на неприятные для них просьбы; болезненно реагируют на критику; зависимы от чужого мнения; плаксивы; мстительны; тревожны; раздражительны; боятся одиночества; в отношениях занимают позицию «вампиров», «прилипал»; не ощущают границ своего «я» и не признают права на неприкосновенность личной жизни; стремятся угодить окружающим; суеверны; скрытны. Называя жертву абсолютным эгоистом, учёный пишет: «Жертвы бессильны и могущественны одновременно. Демонстрируя своё несчастье и свои несчастливые чувства, они используют этот тип шантажа для манипулирования другими. –Если я буду достаточно несчастна, он изменится!», –Если я буду злым и усталым, то мне не придётся общаться с женой и детьми!?. Жертвы ищут союзников в своих несчастьях» [4, с. 164]. И. Г. Малкина-Пых выделяет такое качество характера как мужество, которое не присуще ни жертве (мученику), ни агрессору (деспоту).

Отношения «агрессор – жертва» предполагают наличие двух противоположных по складу характера людей, где одна сторона отношений не уважает и не признаёт в качестве полноправной личности противоположную сторону, относясь к последней как к рабу, имеющему минимум прав и обременённому обязанностями. В роли агрессоров часто выступают в социальной среде мужчины, а в роли жертв – женщины, дети, старики. Как верно отмечает отечественный педагог П. Ф. Каптерев: «Дети – не ослы, навьюченные грузом обязанностей, но личности, у которых, как и у взрослых личностей, обязанности идут наравне с правами (питание, одевание, игры, прогулки, образование)» [3, с. 238].

Отношения между агрессором и жертвой трудно назвать межличностными, так как статус личности в них развит не полностью, что обусловлено следующим. Жертва – это раб, а раб не может быть личностью. Агрессор – это деспот, кроме себя никого больше не признающий в качестве личности, а так как личность – это результат благоприятной социализации для человека, то есть личность вне социальной среды и без общения с другими личностями немислима, следовательно, агрессор, как и жертва, только по иным обстоятельствам, не является личностью. Безусловно, человек-агрессор и человек-жертва являются индивидами. Личностями агрессор и жертва могут стать в том случае, если они откажутся от деструктивных и дискриминационных методов при построении отношений с людьми.

Стоит заострить внимание на том, что тревожность, с позиции А. Налчаджяна, присуща агрессору, а И. Г. Малкина-Пых уверяет, что тревожность является неотъемлемой чертой характера противоположной стороны антигуманных отношений, то есть жертвы. Мы полагаем, что оба учёные правы. Аргументируем свою позицию. Находясь в состоянии тревожности, человек не может радоваться жизни. Тревожность вызывает сильную потребность в осуществлении контроля над кем-то или чем-то. Агрессор и жертва в состоянии тревожности избирают в качестве объекта своих манипуляций человека либо собственную внешность. Это обусловлено тем, что контролировать ширину бровей, длину волос, объём талии – куда проще, чем социальные сферы жизни. Такая тревожность со временем может превратиться в манию. В результате чего возникает ложное ощущение, что жизнь находится под контролем, так как на внешность тратятся большие денежные средства и много времени. Это вовсе не означает, что следить за внешним видом не надо. Речь идёт о том, что даже в заботе о собственном внешнем виде надо знать меру, которую легко преступают агрессор и жертва по отношению к себе. Как говорится, красота и деньги имеют один общий положительный и отрицательный моменты – они хорошие слуги, но плохие хозяева.

Завершая изучение поднятой темы, стоит сказать, что благополучие человека и людей в целом должно быть наиважнейшей ценностью социальных институтов. Человек должен уважать себя, уметь радоваться жизни, не ущемляя при этом интересы других людей. Важно преодолеть в обществе отношения, предполагающие наличие агрессора и жертвы, в особенности, в семье, где имеются дети. Подобные отношения могут играть роль фактора, способствующего нездоровому образу жизни, то есть пристрастию к алкоголю, наркотикам, беспорядочной сексуальной жизни, курению, компьютерной зависимости, игровой зависимости, нарушению пищевого поведения (чревоугодию, анорексии, булимии) и т.п. Вредные для здоровья человека привычки служат своеобразным способом «ухода от реальности», помогают на короткое время забыться, снять мышечное и психическое напряжение, позволяют достичь эйфории, влекут за собой интоксикацию и порождают новый пласт проблем для человека, связанных со здоровьем организма, социальной адаптацией, взаимоотношениями с обществом.

Список литературы

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 512 с.
2. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
3. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А. М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. 704 с.
4. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М.: ЭКСМО, 2010. 864 с.
5. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
6. Субботина Н. Д. Естественные основы социального поведения. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2011. 115 с.

AGGRESSOR AND VICTIM: ANTI-HUMANISTIC SOCIAL ROLES

Grigoryan Tatevik Vartanovna
Transbaikal State University
tatevick.1@yandex.ru

The article tells that aggressor and victim are two anti-humanistic social roles affecting healthy social relations destructively. It's stated that a number of modern scientists emphasize the factors, processes and methods, which aggressor and victim use in their life as well as the traits of character, behavior style peculiar to them. Main attention is drawn to the general (for example, anxiety) and specific traits of character peculiar to aggressor and victim. The conclusion is made upon the necessity of the humanization of person and social institutes.

Key words and phrases: aggressor; victim; human; relations; humanism.

УДК 903

Исторические науки и археология

В статье рассмотрена семантика погребальной традиции «бийкенцев» и «пазырыкцев». Приведены широкие археолого-этнографические параллели из сибирских культур, традиции которых связаны с погребением в земле. Цель работы заключается в анализе сакральных элементов оформления погребального церемониала. Ранее в литературе погребальный обряд археологического периода освещался преимущественно вещеведческой археологией. Отмечается, что главными задачами на этом этапе являются перевод умершего из профанного в сакральное пространство и обеспечение дальнейшего пути.

Ключевые слова и фразы: погребальная церемония; семантика; ингумация; «бийкенцы»; «пазырыкцы»; Горный Алтай.

Дворников Эдуард Павлович, к.и.н., доцент
Горно-Алтайский государственный университет
dvornikover@yandex.ru

**СЕМАНТИКА ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ
(АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)[©]**

В представленных материалах речь идёт только о традиции ингумированного погребения в земле. Кремация в скифской традиции до сих пор не выявлена. Остатки наземных и воздушных погребений археологически зафиксировать невозможно, что совсем не исключает этих вариантов, отмечаемых в сибирской этнографии для служителей культов и детей.

Проведение погребальной церемонии непосредственно на этапе отправления в дальний путь происходило публично. Очевидно, что в обязательном порядке на погребальном действии присутствовали представители родственных родов и племён и подчинённых народов. Масовость мероприятия зависела, прежде всего, от социального статуса погребяемого. По сообщениям Геродота, похороны скифского царя отличались широким общественным характером, на них собиралась масса народу, не считая близких родственников и знакомых покойника. Подтверждением масовости мероприятия может служить мнение В. Д. Кубарева о каменных столбах – балбалах как о коновязных столбах, количество которых на некрополе могло быть значительным [4, с. 80].

До погребения в течение сорока дней труп царя возили по всей Скифии из области в область и всюду его оплакивали, выражая скорбь наглядным образом. Каждый скиф обрезал себе кончик уха, остригал волосы, делал надрезы на руках, царапал лоб и нос. Этнографическая традиция трактует демонстрацию неумеренной скорби, часто поддельной, созданием ситуации неузнаваемости участников церемонии для покойника, что лишало его возможности как то повлиять на живых.

Семантически захоронения в земле имели две главные цели: помочь душе-тени (тёмной душе) быстро и благополучно достичь Нижнего мира и исключить возможность возвращения этой опасной (для живых) души в средний мир [3, с. 218]. Тело человека, погребение лошади, инвентарь в могильном пространстве меняли свою сущность. Им предстоял особый путь, который зависел от божественных существ, умерших ранее предков и правильных обрядов родственников. Менялось и значение помещённых предметов в сакральное пространство. Обычное блюдо с крестцом барана превращалось в жертвенник [2].

Умерших доставляли к месту погребения на специальном транспорте, предназначенном для этих целей. Детали колесницы, зафиксированные в Пазырыке V и Башадаре, – тому подтверждение [8]. По этнографическим сведениям тундровые и таёжные оленеводы на могиле оставляли повреждённые нарты и убитых ездовых оленей. Алтайцы, буряты убивали на могиле ездовую лошадь [3, с. 208]. По материалам погребений